

От двух до пяти (1928)
Корнѣй Чуковскій

IV. ДЕЙСТВЕННОСТЬ

И заметьте, как действительны эти ребячьи слова. В большинстве случаев они изображают предметы исключительно со стороны их действия.

Строганок — это то, чем строгают,
Копатка — это то, чем копают.
Колоток — это то, чем колотят.
Цепля — это то, чем цепляют.
Вертутия — это то, что вертится.
Лизык — это то, что лижет.
Мазелин — это то, чем мажут.
Кусарик — это то, что кусают.

Здесь нет ни единого слова, которое не было бы связано с движением, с динамикой. Всюду выдвинута на первое место действительная функция предмета.

Трехлетний ребенок уверен, что почти каждая вещь существует для того или иного точно определенного действия и вне этого действия не может быть понята. В существительном ребенок ощущает скрытую энергию глагола.

Вы только всмотритесь, с каким напряженным вниманием глядит годовалый младенец на автомобили, мотоциклы, трамваи, следя за их непрерывным движением.

Почти все исправления, вносимые ребенком в нашу «взрослую» речь, заключаются именно в том, что он выдвигает на первое место динамику. В «народной этимологии» взрослых это происходит не так часто, потому что взрослые подмечают в словах и другие особенности. Русские крестьяне из клироса делали крылос (от слова «крыло»), Хамильтона превращали в Хомутова, то есть оперировали и существительными, а «народная этимология» детей почти всегда обнаруживает в названии предметов глагол.

Но, конечно, и детям порою случается выдвигать в названии предмета не глагол, а имя существительное или — очень редко — прилагательное.

Мне сообщают о пятилетнем Гаврюше, который ботанику называл цветаника (его отец был директором ботанического сада), а ватрушку — творушка (от слова «творог»); и я знаю Мусю, которая называла нафталин муфталином, так как была уверена, что нафталин существует специально для маминой муфты.

Впрочем, таких словообразований не много. Большинство детских слов, входящих в область «народной этимологии», связано с глагольными формами.

Так велико у детей тяготение к глаголу, что им буквально не хватает глаголов, существующих во «взрослом» языке. Приходится создавать свои собственные.

Od dvou do pěti (1958)
přel. Milena Lukešová

4/ DĚJOVOST

Všimněme si ještě jedné věci: jak bohatá dějem jsou tahle dětská slova. Ve většině případů označují předměty jen z hlediska jejich dějového určení.

Kopatka je to, čím se kope.
Vrtuť (rtuť) je to, co se vrtí.
Mazelína je to, čím se maže.
Kusárek to, co se dá kousat.

Každé z těchto slov má v sobě pohyb a dynamiku, všude tu vystupuje do popředí dějová funkce předmětu. Tříleté dítě žije v přesvědčení, že téměř každá věc je na světě proto, aby sloužila určité činnosti, bez níž ji nelze pochopit.

I v podstatném jménu cítí dítě skrytou energii slovesa. Jen si všimněte, s jak napjatou pozorností se dívá roční batole na auta, motorky i tramvaje, s jakým zaujetím sleduje jejich nepřetržitý pohyb.

Téměř všechny úpravy, které dítě v našem „dospělém“ vyjadřování provádí, jsou založeny právě na tom, že dítě vyzvedá na přední místo dynamičnost předmětů. V lidové etymologii dospělých se s tímto jevem nesetkáváme tak často, protože dospělí cítí ve slově i jiné jeho zvláštní příznaky.

Jsou samozřejmě i případy, kdy dítě nevyzvedá v názvu předmětu sloveso, ale například podstatné jméno, nebo dokonce, i když velmi zřídka, i jméno přídavné.

Tak postupovalo děvčátko, které říkalo naftalínu kočkalín, protože bylo přesvědčeno, že nemá na světě jiné poslání než chránit proti molům mamčinu kožešinu, které říkalo kočka. Od přídavného jména je pak odvozeno dětské slůvko kyselík, kterého tříleté děvčátko užívalo místo nesrozumitelného ocet. Dokonce i od příslovce je utvořen protiklad ke slovu rychlík – dětský „pomalík“.

Podobných případů však nenajdeme mnoho. Většina dětských slov, která můžeme zařadit do oblasti lidové etymologie, souvisí se slovesem.

Jeho přitažlivost je pro děti tak silná, že se jim v „dospělém“ jazyce sloves prostě nedostává. Musí si proto tvořit svá vlastní.

Нет, кажется, такого существительного, которое ребенок не превратил бы в глагол:

— Часы часикают.

— Вся елка освечкана! Вся елка освечкана!

Брат трехлетней Нины играет на балалайке. Нина страдальчески морщится:

— Не балалай, пожалуйста!

Ребенок создает такие глаголы десятками — гораздо чаще, чем мы.

Прищевив себе руку дверью, ребенок кричит:

— Ай, я задверил руку!

И пусть родителей коробит это смелое производство глагола, ребенок считает его совершенно нормальным.

— Отскорлупай мне яйцо.

— Замолоточь этот гвоздик.

— Бумага откнопкалась.

— Я защёкала свою карамельку!

— Ого-го, как ладошкаются!

— Ой, меня крапива накравивила!

— Я намакаронился.

— Я уже начаёпился.

И даже:

— Мы почайпили кофе.

Иногда оглаголивается даже наречие.

— Расширокайтесь!.. Расширокайтесь! — кричала своим гостям четырехлетняя девочка, требуя, чтобы они расступились.

В глагол превращается даже слово «еще»:

— Покачайте меня на качелях, только я не сойду, а буду все ещёкать и ещёкать!!

Глаголом может стать даже междометие алло:

— Папа алёкает по телефону.

Сереза прижался к маме, она обняла его.

— Весь обмамился! — хвалится он.

Это приводит к экономии речи. Вместо того чтобы отмахиваться от назойливых мух, Аркашка предпочитает отмухиваться:

— Я сижу и отмухиваюсь. Сижу и отмахиваюсь.

Нет таких слов, которые ребенок не превратил бы в глаголы:

— Идем покойничиться с папой и мамой.

Даже муфта приобретает у него глагольную форму:

— Ой, мама, зачем ты меня так замуфтала?

Словом, на каждом шагу обнаруживается, что наших глаголов детям недостаточно. Им требуется больше, чем мы можем им дать, хотя дать мы можем вообще немало, так как наш язык чрезвычайно богат глаголами, произведенными от имен существительных. От слова цыган русские люди

Нені snad jediného podstatného jména, které by dítě nedokázalo proměnit ve sloveso:

„Lepido už nelepidlí.“

Bratr tříleté Niny hraje na balalajku. Nina s trpitelským výrazem v tváři:

„Nebalalej pořád, prosím tě!“

Dítě vytváří takových slov celé desítky, vytváří je daleko častěji než dospělí.

Priskřípne si ruku a křičí:

„Au, já jsem si zadveril ruku!“

Ať této smělé produkci sloves říkají rodiče co chtějí, dítě ji pokládá za naprosto normální.

„Dědeček dýmkuje.“

„Odskořápkuj mi to vajíčko!“

„Teď to pořádně přihřebíčkuj!“

„Plakátek se odpřipínáčkoval.“

„Au, kopřiva mě kopřivla!“

„Pojďte lopatit sníh!“

„Já nechci buchtu, už jsem se u babičky nabuchtovál.“

„Zedníci tu cihlují.“

Sloveso se dá vytvořit i od slůvka „stejný“:

„Musíš ten provázek na druhé straně vystejnit.“

Dokonce i od výrazu „nadšený“.

„Já jsem se znadšenil, když jsem to uviděl.“

To všechno vede k ekonomičnosti ve vyjadřování. Místo aby se oháněl před komáry, kluk se raději odkomáruje.

Na každém kroku se tu zkrátka přesvědčujeme, že naše slovesa dětem nestačí. Děti jich potřebují daleko víc, než jim jich můžeme dát, ačkoli přece v jazyce je sloves odvozených od podstatných jmen mnoho:

např. opice – opičit se,

slunce – slunit se, atd.

произвели глагол выщиганить, от слова Кузьма — подкузьмить, от слова Егор — объегорить, от слова черт — чертыхаться, осточертеть. И вот еще подобные глаголы, происшедшие от имен существительных:

остолбенеть — от слова столб,
обезьянничать — от слова обезьяна,
разбойничать — от слова разбойник,
приземляться — от слова земля,
прилуняться — от слова луна.

И от имен прилагательных:
богатеть — от слова богатый,
хорошеть — от слова хороший.

И от междометий:
хихикать, кукарекать, мяукать.

Так что ребенок и здесь поступает в полном соответствии с исконными нормами родного языка. Самые смелые и причудливые из новообразований ребенка и в данном случае не выходят за рамки общенациональных языковых традиций.

Замечательно, что детские глаголы типа отскорлупать, намакарониться создаются по такой же схеме, по какой наши великие писатели, художники слова, пытались в свое время создать новые формы глаголов.

Державин сочинил глагол ручьиться (от слова «ручей»), Жуковский — обезмышить, Кольцов — пилатить, Гоголь — обыностраниться, многолюдеть, оравнодушеть, Гончаров — байронствовать, Щедрин — душедранствовать, умонелепствовать.

Порою такие неологизмы создавались для выражения иронии, когда автор и сам признавал всю нарочитую несуразность сочиненного слова.

Таково, например, двестише, которое приписывалось Пушкину:

Я влюблен, я очарован,
Словом, я огончарован.

Таковы почти все новые глаголы, которые вводил в свою речь Достоевский: афонить (от названия горы Афон), фонзонить (от фамилии Фонзон), апельсинничать, лимонничать, амбициозничать, белоручничать, подробничать и проч. Все — за исключением двух: джентльменничать и стушеваться.

Только эти два и удержались у нас в языке. Большинство же промелькнуло и забылось, как, например, герценовский глагол магдалиниться.

— Магдалинится молодой человек.
(От имени кающейся грешницы Магдалины.)

Таковы же у Чехова: тараканить, этикетничать, пересобачиться, каверзить, окошкодохлиться, размокропогодиться.

В «Воспоминаниях» Кони:

Mnoho našich sloves je odvozeno od přídavných jmen:
bohatý – bohatnout,
krásný – zkrásnět, atd.

i od citoslovcí:
chichotat se, mňaukat, bučet, atd. atd.

Vidíme, že i zde postupuje dítě vlastně v plném souladu s odvěkými normami mateřského jazyka. I nejmělejší a nejsvěráznější dětské novotvary nepřestupují tedy ani v tomto případě hranice všenárodních jazykových tradic.

Je zajímavé, že dětská slovesa typu odskořápkovat nebo nabuchtovat jsou tvořena stejným způsobem, jakým tvořili svého času nové tvary sloves i velcí spisovatelé, skuteční mistři slova.

Někdy byla taková slovesa vymyšlena se zaměřením ironickým, autor si tu byl vědom určitého komického účinku, spojeného s takovým násilně utvořeným a podivně znějícím slovem.

Podobné sloveso najdeme například v Puškinově dvojverší:

Jsem zamilován, očarován,
jsem, věřte mi, ogončarován...

Tohoto typu byla téměř všechna nová slovesa, kterých užíval Dostojevskij, užíval jich i Čechov.

«Он выпивши был — у нас престольный праздник, ну он и напрестолился».

Чуя эти языковые законы, четырехлетний лингвист говорит:
— Наседка оцыплятилась!

Все это слова-экспромты, слова-однодневки, которые и не притязали на то, чтобы внедриться в язык, войти в общий речевой обиход, сделаться универсально пригодными. Созданные для данного случая, они чаще всего культивировались в домашних разговорах, в частных письмах, в шуточных стихах и умирали тотчас же после своего появления на свет.

Бывали такие периоды в истории языка, когда этот процесс образования глаголов (главным образом от имен существительных) как будто затихал на много лет, но потом внезапно становился необычайно активным и приобретал очень широкий размах. Так случилось, например, в тот период, когда творил Маяковский, щедро вводящий в свою поэзию такие слова, как обезночить, миллионить, вихрить, нудить, июлить, мандалинить, выфрантить, выгрустить...

Конечно, это не было личным его произволом: такие литературные новшества были отражением того, что совершалось в быту, потому что в ту эпоху и разговорная речь изобиловала такими словами:

- Ах, как я закастрилилась!
- Он подфамилил бумагу...
- Как вам не стыдно мешочничать!
- Закомиссарился молодой человек!

Недаром незадолго до этого Хлебников оперировал такими словами, как чингисханить, моцартить, а Игорь Северянин вводил в свои стихотворения такие глаголы, произведенные от имен существительных, как осупружиться, окалошить, опроборить, офрачиться, онездешниться, наструниться и проч., и проч., и проч.

В смокингах, в шик опроборенные,
великосветские олухи
В княжьей гостиной наструнились,
лица свои оглупив.

Читатели охотно принимали тогда подобные словесные новшества, ибо новшества эти были в духе эпохи: в бытовой, разговорной речи происходил тогда тот же процесс усиленного оглаголивания имен существительных. Тогда же создалась такая песня:

Чай пила,
Баранки ела,
Самоварничала.

Потом (приблизительно к середине 30-х годов) этот процесс заглох. Значительно позже появились в русском языке глаголы: пылесосить, пылесосничать.

В речи ребенка такой периодизации нет. Каждое новое поколение детей всегда создает снова и снова великое

Byla to však většinou improvizovaná slova jepičího života, která si ani nedělala nárok na to, aby zapustila kořeny v jazyce. Jejich vznik byl vyvolán potřebou okamžiku a udržovala se většinou jen v uzavřeném prostředí, v rozhovorech, soukromých dopisech či v žertovných verších a umírala, sotva se zrodila.

V historii jazyka bývala období, kdy tento proces vytváření nových sloves (především od podstatných jmen) jako by na dlouhá léta utíchal, pojednou však znovu ožíval a nabýval značného rozsahu. Tak tomu bylo i v době, kdy psal Majakovskij, který hojně uváděl do svých veršů podobná slova.

Čtenáři tehdy ochotně přijímali podobné novoty, bylo to všechno jaksí v duchu doby. Později, přibližně v polovině třicátých let, tento proces v ruštině utíchl.

V dětském jazyce tu o nějaké periodizaci mluvit nemůžeme. Každé nové pokolení dětí, aniž by si

множество подобных глаголов, не замечая своего языкового новаторства. Активность оглаголивания имен существительных снижается у них лишь по мере того, как они выходят из дошкольного возраста. Как близко примыкают создаваемые ими глагольные формы к тем формам, которые созданы и создаются народом, видно, например, из слова раскулачить. Впервые я услышал это слово полвека назад — даже раньше. Гай, внучонок И.Е.Репина, крепко сжал свой кулачишко и сказал: — Ну-ка, раскулачь мои пальцы!

В те времена такого слова еще не существовало в народе, так как раскулачивание (в нынешнем значении этого термина) еще не стало историческим фактом. Для того чтобы ребенок мог заранее — так сказать, наперед — сконструировать то самое слово, которое лет двадцать спустя было создано народными массами, нужно, чтобы он в совершенстве владел теми же приемами построения слов, которые выработал в течение тысячелетий народ.

IV. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ

Существует немало детских стишков, которые являются продуктами игры, но эти стишки-перевертыши и сами по себе есть игра.

Ко всем категориям игр, о пользе которых мы так много узнали из работ Д.Б.Эльконина, Л.П.Усовой, Д.В.Менджеричкой и других (не говоря уже о Горьком и Макаренке), нужно присоединить и эту категорию: игры мыслительные, игры ума, потому что ребенок играет не только камешками, кубиками, куклами, но и мыслями. Чуть он овладеет какой-нибудь мыслью, он не прочь сделать ее своей игрушкой.

Распространеннейшим методом этих умственных игр является именно обратная координация вещей: наделение предмета а функциями предмета б и наоборот. Когда моя двухлетняя дочь заставляла воображаемую собаку мяукать, она играла именно в такую игру. Чтобы принять участие в этой игре, я тогда же сочинил для моей дочери целый ряд подобных небылиц:

Свинки замяукали:
Мяу! мяу!

Кошечки захрюкали:
Хрю! хрю! хрю!

Уточки заквкали:
Ква! ква! ква!

Курочки закрякали:
Кря! кря! кря!

Воробышек прискакал
И коровой замычал:
М-м-му-у!

Прибежал медведь

увědomovalo své novátorství, vytváří si vždycky znovu a znovu velmi mnoho podobných sloves.

Aktivnost tohoto procesu poklesá u dětí až tehdy, když odrůstají předškolnímu věku.

4. JEJICH PEDAGOGICKÁ HODNOTA

Mezi dětskými verši je nemálo takových, které jsou výplodem hry; naše „perevertyši“, veršíky, v nichž je všechno naruby, jsou však na rozdíl od nich samy o sobě hrou.

K ostatním kategoriím her, o nichž jsme se v poslední době dověděli tolik nového z prací D. B. Elkonina, A. P. Usovové, D. V. Mendžerické a jiných (o Gorkém a Makarenkovi ani nemluvě), bychom měli připojit jako další kategorii i hry s myšlenkami, jakési hry rozumové. Dítě si totiž hraje nejenom s kamínky, s kostkami a s panenkami, ale hraje si i s myšlenkami. Sotvaže si totiž ujasní nějakou novou myšlenku, hned dostane chuť udělat si z ní hračku. Nejrozšířenější metodou, jíž je v těchto rozumových hrách užíváno, je právě opačné řazení pojmů, při němž předmětu A připisujeme funkce předmětu B a naopak. Když moje dvouletá dcerka nechala svého vymyšleného psíka mňoukat, hrála si právě takovou hru. Abych se k její oblíbené hře nějak připojil, složil jsem pro ni tehdy celou řadu podobných veršíků:

Vepři zamňoukali:
Mňau, mňau, mňau!

Kočky zachrochtaly:
Chru, chru, chru!

Husy zakvákaly:
Kvá, kvá, kvá!

Slípky zakrákaly:
Krá, krá krá!

Vrabec přiletěl,
pěkně zabučel:
Bú, bú, bú!

Za ním medvěd šel,

И давай реветь:
Кукареку!

Это стихотворение написано, так сказать, по заказу и по рецепту ребенка. Я чувствовал себя столяром, который изготовил для своего младенца игрушку.

Важнейший признак этих игрушек — дети неизменно ощущают их как нечто забавное.

И все без исключения стишки, порожденные этими играми, — в глазах ребенка смешные стишки.

Чем яснее для него та правильная координация вещей, от которой он намеренно отступает в игре, тем сильнее в нем это ощущение смешного.

hrozně zaryčel:
Kikirikí!

Připadal jsem si tenkrát jako truhlář, který udělal svému dítěti novou hračku.

Nejvýraznějším znakem těchto veršovaných hraček je to, že je děti vždycky přijímají jako zábavu.

Všechny bez výjimky jsou pro ně něčím veselým, něčím, čemu je možné se smát.

Směšnost těchto veršů je pak tím výraznější, čím bezpečněji dítě zná správné řazení pojmů, od něhož ve své hře vědomě upouští.